

В.Я. Портяков

ИДВ РАН

**Внешняя политика КНР в период 2002–2008 гг.
(тезисы)***

1. В существе и в форматах реализации внешней политики КНР в период после проведения в Пекине Олимпийских игр (август 2008 г.) и вспышки мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. произошли заметные изменения, привлёкшие повышенное внимание как международной общественности, так и экспертного китаеведного и более широкого политологического сообщества. Можно говорить о таких новациях, как окончательное обретение Китаем статуса глобального игрока в современной системе международных отношений, возросшая напористость и жёсткость КНР в проведении своего внешнеполитического курса и особенно при отстаивании так называемых «ключевых национальных интересов», попытки нарастить «мягкую силу» страны, прежде всего за счёт более широкого «выхода вовне» китайской культуры – по аналогии с политикой «выхода вовне» китайского бизнеса (см. подробнее: [1]).

2. Вполне закономерно возникает вопрос, являются ли новации во внешней политике КНР последних лет своеобразным отрицанием международно-политического курса страны в предшествующий период, или же, напротив, их истоки и предпосылки можно выявить и проследить как раз в первой половине правления четвёртого поколения лидеров современного Китая? Именно поэтому, на наш взгляд, анализ внешней политики КНР в период 2002–2008 гг. как на концептуальном, так и на практическом уровне представляет особый интерес.

* Подготовлено при содействии РГНФ. Проект 12-03-00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

3. Разумеется, этот период внешней политики КНР в плане его изучения отнюдь не являет собой *terra incognita*. Концепция «мирного возвышения» Китая привлекла экстраординарное внимание международного сообщества. Определённое внимание было уделено и пришедшему ей на смену лозунгу «мирного развития» Китая, а также концепции «гармоничного мира», выдвинутой Ху Цзиньтао в сентябре 2005 г. в выступлении в Организации Объединённых Наций.

4. Вместе с тем, при небольшом количестве исследований по отдельным аспектам и направлениям внешней политики КНР периода 2002–2008 гг. попытки дать её обобщённую картину носили, можно сказать, единичный характер, по крайней мере, в отечественном китаеведении (см.: [2]). Да и конкретные обстоятельства и нюансы как продвижения концепции «мирного возвышения» Китая, так и её замены на «мирное развитие» прояснены далеко не полностью.

5. Общеизвестным автором и инициатором популяризации концепции «мирного возвышения» считается известный китайский политолог, бывший исполнительный проректор Партийной школы при ЦК КПК Чжэн Бицзянь, в начале 2000-х годов имевший прямой выход на лидеров страны. Временем и местом публичного обнародования концепции провозглашён форум в городке Боао (Хайнань), проведённый осенью 2003 г. (перенесён с традиционного апреля из-за эпидемии атипичной пневмонии). В Интернете легко отыскать подборку статей и выступления Чжэн Бицзяня о «мирном возвышении» Китая, впервые изданную в США в 2005 г. на английском языке (см. [3])¹.

6. Однако эта каноническая версия нуждается в уточнении. Как свидетельствует профессор Института международных отношений Фуданьского университета Жэнь Сяо, толчком к формулированию идеи «мирного возвышения» как «возможного нового пути для Китая» послужили беседы Чжэн Бицзяня в декабре 2002 г. в США со многими бывшими и действующими влиятельными американскими политиками, в т.ч. с Г. Киссинджером, З. Бжезинским, Кондолизой Райс. По итогам поездки Чжэн подготовил записку для Ху Цзиньтао, что привело к созданию специальной группы во главе с Чжэн Бицзяном по разработке концепции «мирного возвышения» Китая [4, р. 34].

7. Ещё более существенно то обстоятельство, что Чжэн Бицзянь, похоже, не был первым и единственным китайским экспертом, предложившим общественности понятие и сам термин «мирное возвышение» Китая. Ряд зарубежных китаеведов напоминает о сходной идее Янь Сюэтуна из Университета Цинхуа, выдвинутой ещё в 1998 г. Можно сказать, что идея просто витала в воздухе, и её могли озвучить практически одновременно сразу несколько учёных.

Так, ещё в сентябре 2002 г., то есть в преддверии 16-го съезда КПК, в серии «Изучение важной идеи Цзян Цзэминя о тройном представительстве» мизерным для Китая тиражом в 3500 экземпляров была издана небольшая авторская монография известного шанхайского политолога-международника Хуан Жэньвэя «Время и пространство возвышения Китая» [5]². Не знаю, насколько ценят Хуан Жэньвэя в экспертных и руководящих кругах КНР, но его удивительно точные и прозорливые рецепты десятилетней давности с позиций сегодняшнего дня воспринимаются как абсолютно чёткая «дорожная карта» усиления позиций Китая в мировой политике и экономике в опоре на благоприятные международные факторы, которая была весьма последовательно реализована на практике в период пребывания у власти Ху Цзиньтао. Для примера: уже тогда Хуан Жэньвэй предлагал всемерно использовать членство в ВТО для утверждения в мировом сообществе образа Китая как «ответственной державы», ставил вопрос о необходимости усиления конкурентоспособности «мягкой силы» страны как обязательном условии её возвышения, рассматривал включение Китая в перераспределение ресурсов глобального рынка и в реорганизацию производственных цепочек (с переносом значительной части перерабатывающей промышленности именно в КНР) как «исторический шанс для осуществления страной скачкообразного развития» [5, с. 84–85]. Хочу обратить особое внимание на само название книги Хуан Жэньвэя. «Временем возвышения» Китая стало именно десятилетие лидерства Ху Цзиньтао – при всех возможных оговорках и побочных эффектах. А пространством своего возвышения Китай сделал всю мыслимую триаду – небо и космос (создание самолета-невидимки, запуск космонавтов, орбитальной космической станции, начало осуществления лунной программы), водные акватории (обширная программа наращивания ВМФ, пуск в строй первого авианосца, жёсткая борьба за утверждение суверенитета над островами близлежащих морей, активное освоение находящихся в КНР верховий трансграничных рек), землю – в самых разных формах экономической экспансии вплоть до прямой масштабной аренды и покупки земельных участков за рубежом.

8. Как известно, формально концепция «мирного возвышения» Китая была достаточно быстро, – уже на рубеже 2004–2005 гг., заменена концепцией «мирного развития» страны, широко и активно пропагандируемой по сей день китайской пропагандой. Однако, как совершенно справедливо заметил Жэнь Сяо, данная замена является не «кончиной» концепции «мирного возвышения», а скорее терминологическим компромиссом, призванным успокоить критиков. В данном контексте заслуживают упоминания два обстоятельства. Во-первых,

против широкого использования термина «мирное возвышение» выступило Министерство иностранных дел КНР, усмотревшее в нём противоречие с ключевым заветом Дэн Сяопина «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя», который тогда олицетворял официальное позиционирование страны на мировой арене. Во-вторых, уже после официального введения в оборот термина «мирное развитие» проект исследования самых различных аспектов стратегии «мирного возвышения» Китая параллельно продолжался под патронажем Ху Цзиньтао. Споры о предпочтении «развития» или «возвышения» достигли кульминации на 17-м съезде КПК в 2007 г., где по этому вопросу была проведена специальная дискуссия. Вполне можно солидаризироваться с мнением Жэнь Сяо, что «мирное возвышение» стало не только «заявлением Китая о намерениях», но и «новой философией китайской внутренней и внешней политики» [4, р. 35].

9. Вполне вероятно, что из вышесказанного можно сделать вывод, будто Китай на деле остался верен концепции «мирного возвышения», облагородив внешний, явленный миру фасад своей политики на мировой арене, успокаивающей и устраивающей всех картиной «мирного развития».

Что же, этого исключать нельзя – в том плане, что, по китайской традиции, «мирное возвышение» сохранилось как более откровенный разговор «для своих», а «мирное развитие» оказалось в большей мере адресовано внешнему миру. Однако это мало что меняет. Китаю в принципе была не нужна какая-либо тайная геополитическая повестка дня. Поставив на 16-м съезде КПК задачу увеличения ВВП страны за двадцать лет в четыре раза, Пекин в открытую сказал миру о себе, своих геополитических целях и их вероятных последствиях всё, что требовалось. Всё остальное – прямое производное от стратегических ориентиров, сформированных в ноябре 2002 г. Добавим, что и неизменные заверения Пекина в его приверженности пути сугубо мирного развития не предотвращают появление в мире все новых модификаций теории «китайской угрозы» и, что ещё более важно, никак не препятствуют использованию Китаем весьма жёстких методов защиты своих интересов, особенно провозглашённых «ключевыми».

10. В практической внешней политике КНР периода 2002–2008 гг. есть целый ряд сюжетов и эпизодов, которые в ретроспективном плане вызывают повышенный интерес. Прежде всего, это антияпонские демонстрации в Китае в апреле 2005 г., призванные показать неприятие китайской стороной трактовки в японских учебниках событий военного времени 1937–1945 гг. В свете последующих раундов обострения китайско-японских отношений в сентябре 2010 г. и особенно

в августе–сентябре 2012 г. можно констатировать, что события апреля 2005 г. были не случайным эпизодом, а первым актом «разведки боем» в длительной борьбе КНР с Японией за лидерство в Восточной Азии.

Весьма любопытны и попытки графически отобразить уровень отношений КНР с ведущими государствами мира. Соответствующие схемы с 2005–2006 гг. в течение ряда лет публиковал раз в квартал журнал «Современные международные отношения» («Сяньдай гоцзи гуаньси»), а затем публикация была перенесена в некоторые другие издания (например, в ведущий китайский еженедельник «Ляован»), правда, на нерегулярной основе. Хотя сторонние эксперты весьма критически оценивали сами эти оценки (например, отношения с США в китайском обществе оценивались гораздо выше, чем следовало из заниженных по политическим соображениям данных вышеупомянутых публикаций), однако самостоятельную ценность имели ранжирование ведущих государств по уровню их отношений с КНР и сам их перечень (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Индия, Россия).

В целом, на наш взгляд, между внешней политикой КНР периодов 2002–2008 гг. и 2009–2012 гг. существует очевидная преемственность как на концептуальном, так и на инструментальном уровнях.

Примечания

¹ Сборник статей Чжэн Бицзяня был опубликован также в Шанхае в 2005 г.

² Хуан Жэньвэй – сотрудник Шанхайской Академии общественных наук, один из ответственных редакторов ежегодного (с 2003 г.) «Доклада о международном статусе Китая».

Литература

1. *Портяков В.Я.* О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009–2011 гг. // Проблемы Дальнего Востока, 2012, № 2. С. 27–42.

2. *Уянаев С.В., Сафронова Е.И.* От «мирного возвышения» к «гармоничному миру»: эволюция концептуального обоснования внешнеполитического курса КНР в начале XXI века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIII. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 115–134.

3. *China's Peaceful Rise: Speeches of Zheng Bijian 1997–2005.* Brookings Institution Press, October 1, 2005. URL: <http://www.brookings.edu/research/books/2005/chinaspeacefulrise>

4. *Ren Xiao.* China's Possible New Path // East Asian Policy, Singapore, 2010, № 3, pp. 33–38.

5. *Хуан Жэньвэй.* Чжунго цзюэци дэ шицзянь хэ кунцзянь (Время и пространство возвышения Китая). Шанхай. 2002.